

В половине второго ночи Чи Нин и Чу Шаочэнь наконец вернулись домой.

Чи Нин уже немного адаптировался к нормальному режиму сна, и, как правило, в определённое время чувствовал усталость. Сегодня был исключением — он старался дождаться Чу Шаочэня, но не смог противостоять нападению усталости и в дороге задремал.

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

Чи Нин с закрытыми глазами схватил два пальца Чу Шаочэня, не забыв спросить его о ответе.

Чу Шаочэнь почувствовал, как его сердце наполнилось теплом, не зная, как это описать, но в этот момент в его глазах и сердце был только Чи Нин.

С тех пор как он увидел Чи Нина, свернувшегося в угол и ждущего его, даже когда его глаза уже не могли оставаться открытыми, он пытался утешить его, и все пустоты в его сердце были заполнены Чи Нином.

Это было тепло и влажно, как будто он был погружён в теплую воду.

Когда он заговорил, голос оказался немного хриплым:

— На какой вопрос?

Чи Нин, услышав это, стиснул зубы, прогоняя сонливость, и приоткрыл тяжелые веки, взглянув на него с тёмным, сонным взглядом:

— Я ведь говорил, что пойду с тобой искать сестру, ты ещё не согласился.

Чу Шаочэнь на мгновение замер, сжимая его пальцы, которые были тонкими и мягкими, легко ранимыми.

Редко когда он не хотел показывать свои эмоции перед Чи Нином, он просто ответил:

— Хм.

— Хорошо, не переживай, мы обязательно найдём её, иногда отсутствие новостей — это наилучшие новости.

— Чи Нин схватил Чу Шаочэня за палец.

— Я так устал, а ты?

— Устал, — Чу Шаочэнь опустил голову, прижав лицо к его плечу, в сердце смешанные чувства наполняли его, вызывая одновременно горечь и напряжение.

Смешанные эмоции бурлили в его душе, постепенно поглощая горечь.

Чи Нин поднял руку, его пальцы мягко скользнули по шее Чу Шаочэня.

— Всё будет хорошо, я рядом.

Его голос был тихим, но в нём звучала уникальная мягкость Чи Нина, в узком пространстве его слова усиленно резонировали.

Понимая изменения в эмоциях Чу Шаочэня, Чи Нин постепенно замедлял движения, и, в конечном итоге, сам заснул, не осознавая этого.

Чу Шаочэнь нежно поцеловал его в ухо. Увидев, как тот слегка вздрагивает, он невольно усмехнулся.

Чи Нин не менее важен для него.

Хотя он продолжал искать сестру, это не означало, что он собирается оставаться только в прошлом.

Машина въехала в сад, и Восс ждал у двери. Увидев, как Чу Шаочэнь выносит Чи Нина из

машины, он почувствовал облегчение.

Каждый год этот день был для них особенным — это дата исчезновения Чу Ян.

Чу Шаочэнь всегда возвращался очень поздно, и Восс никогда не спрашивал, просто ждал, пока тот не вернётся, чтобы успокоиться.

В этом году всё иначе — Чу Шаочэнь не один, рядом с ним Чи Нин.

— Генерал, с молодым господином всё в порядке?

— Он просто спит. Ты можешь идти отдыхать, — Чу Шаочэнь посмотрел на Восса и покачал головой, затем вновь опустил взгляд на спящего Чи Нина, его спокойное лицо успокаивало и его.

Услышав это, Восс успокоился и последовал за Чу Шаочэем в гостиную, дождавшись, пока они поднимутся вверх, прежде чем вернуться в свою комнату.

Когда Чи Нина посадили на стул в ванной, он все еще был в полудреме, не в силах отличить юг от севера, восток от запада.

Чи Нин проснулся от теплого полотенца, которым провели по его лицу, и, чуть дрогнув, открыл глаза, не сразу понимая, что происходит. Он увидел Чу Шаочэня и полотенце в его руках.

Его медленно просыпающийся мозг наконец начал работать, и, осознав происходящее, он почувствовал, как его лицо горит, и потянулся, чтобы забрать полотенце у Чу Шаочэня.

— Я сделаю это сам.

Сколько он себя помнил, за исключением совсем уж раннего возраста, он никогда не позволял никому помогать себе в гигиенических процедурах.

— Больше не хочется спать? — Чу Шаочэнь наклонился и встал перед ним, уклонившись от его руки. — Не двигайся, я вытру тебя.

Чу Шаочэнь держал лицо Чи Нина одной рукой, и он был вынужден поднять голову, встретившись взглядом с Чу Шаочэнем, что вызвало у него внутреннее смятение.

Странно, но...

Чу Шаочэнь был так сосредоточен.

Небольшое полотенце в его руке слушалось его, не распадалось и не задело ничего лишнего.

Он осторожно вытер лицо Чи Нина, а когда убрал полотенце, его пальцы чуть коснулись щеки,

движение было нежным.

Бессознательно сглотнув, Чи Нин почувствовал себя неловко, его спина почти прилипла к стене, а руки напряжённо сжались в кулаки, словно он боялся, что не сможет сдержаться и просто оттолкнёт человека перед собой, и сбежит прочь.

Чу Шаочэнь сегодня совсем другой.

— Хочешь принять ванну?

Чу Шаочэнь взял зубную щётку и пасту для него:

— Я наберу воды.

Чи Нин вскочил, как будто его ударило током:

— Не нужно, не нужно, я просто быстро ополоснусь, не беспокойся.

— Правда не нужно?

Чу Шаочэнь, намеренно дразня его, скрестил руки на груди и непринуждённо прислонился к

стене с явной улыбкой на лице:

— Редко выпадает такой шанс.

Чи Нин, чистя зубы у зеркала, прополоскал рот и, вытирая лицо, посмотрел на него:

— Не торопись, в будущем еще будет много возможностей, и... Если кто-то должен это делать, так это я. Омега должен заботиться о своём Альфе: набирать воду в ванну, готовить завтрак и кофе, гладить одежду.

Что еще там?

Чи Нин попытался вспомнить ту книгу, которую он читал, но не дочитал, — свод правил для замужних Омег.

— Заботиться о твоих повседневных делах — это моя ответственность.

Чу Шаочэнь приподнял бровь:

— И ты собираешься это делать, Нин Нин?

Он уставился на него с широко открытыми глазами, не веря, что Чу Шаочэнь на самом деле хочет, чтобы он это делал?

Это просто случайное замечание.

Чи Нин опустил взгляд, чтобы посмотреть на Чу Шаочэня, и осторожно сказал:

— Мне нужно время, чтобы подготовиться, начиная с завтрашнего дня.

Опустив голову и подняв глаза, чтобы посмотреть на Чу Шаочэня, он неуверенно сказал:

— Начиная с завтрашнего дня, мне нужно время, чтобы подготовиться.

Неизвестно, поможет ли зубрежка.

— Я с нетерпением жду этого, — после того, как Чу Шаочэнь закончил говорить, он вошел в душевую и аккуратно снял одежду.

Чи Нин, услышав звук воды, невольно посмотрел, и за запотевшим стеклом он увидел Чу Шаочэня, который был совершенно обнажён. Его стройная фигура едва просматривалась.

Когда он поднимал руку, мышцы чётко проступали.

Широкие плечи, узкая талия и длинные ноги — каждая линия была чистой и чёткой. Когда он поворачивался вбок, было видно, насколько его живот был гибким и подтянутым.

Чи Нин, едва моргнув, собирался отвернуться, но вдруг встретил взгляд Чу Шаочэня, полный насмешки, и его лицо вдруг сильно покраснелось, словно загорелось.

Он быстро положил полотенце, закрыл кран и, не дождавшись, чтобы вытереть ноги, в спешке покинул ванную, скользя по влажным тапочкам.

Ничего не видел, ничего не видел.

Он не хотел, это просто... ему стало любопытно, ведь...

Это же топ-Альфа!

Чи Нин, уткнувшись лицом в ладони, сидел на краю кровати, его взгляд был растерянным, и в голове всплыли образы Чу Шаочэня: его лицо, фигура и взгляд.

Воспоминания о «инциденте с молоком», который он давно похоронил, снова нахлынули, и Чи Нин просто лег на кровать, притворившись мёртвым, даже не желая подробно заполнить свой дневник наблюдения.

4 июля, пасмурно.

Сегодня я был с генералом в двенадцатом районе. Плохая новость — генерал всё ещё не нашёл сестру. Хорошая новость — Чи Минфан наконец-то сядет в тюрьму.

Закрыв блокнот, он положил его обратно в тумбочку и перевернулся на спину.

Слушая шум воды в ванной, Чи Нин поджал губы и решил не думать об этом.

Чи Нин:

Сяо Си, как ты и брат Ло Юань?

Тан Си:

Откуда ты знаешь, что я еще не сплю?

Чи Нин:

Ты пять минут назад всё ещё играл в игру, как ты мог уснуть?

Тан Си:

Ладно, я не спал, но собирался лечь, а ты почему в такое время не спишь? Разве ты не пытался наладить режим, чтобы стать хорошим мальчиком?

Чи Нин:

Кое-что случилось, поэтому не могу уснуть. Чи Минфана забрали для расследования. Ты и брат Ло Юань будьте осторожны в ближайшее время, я беспокоюсь, что он может прийти за вами, ведь всё произошло в Седьмом районе, он обязательно это проверит.

Тан Си:

Не переживай, с нами всё в порядке, а вот ты, у тебя через месяц начинается учеба, ты закончил писать отчёт по диссертации?

Когда Чи Нин увидел слово «учёба», у него на душе стало тяжело.

Как же коротки каникулы — мгновение и половина уже прошла, он даже не успел вдоволь повеселиться.

Чи Нин:

Еще месяц впереди. Я хотел сказать, что Черный Волк исчез. Он знает брата Ло Юаня. Если он действительно знаком с Чи Минфаном и выдаст его, то брат Ло Юань в опасности.

Тан Си:

Тогда что нам делать? Как насчет того, чтобы не открывать магазин в этот период и жить в другом месте?

Чи Нин:

Так тоже можно. Пусть брат Ло Юань не действует в одиночку. Тан Тан ещё не ходит в школу, она может остаться в твоём магазине. Если они нагло придут к вам, люди, назначенные генералом, должны их остановить.

Тан Си:

Это правда. Как насчет вас с генералом? Как далеко вы продвинулись? Ты запомнил, что я тебе говорил в тот день?

Чи Нин:

Ничего особенного, ты же и так знаешь, как обстоят дела между нами. Давай поговорим об этом позже.

Как только он вспомнил о Чу Шаочэне, он вдруг стал рассеянным, даже скорость ответа замедлилась, пока Тан Си не прислал сообщение с кучей непонятных символов, после чего Чи Нин выключил оптический мозг и залез под одеяло.

Почему он всё ещё незакончил мыться?

Взглянув на ванную, Чи Нин неожиданно вспомнил, что сегодня старик Ян спрашивал, как он познакомился с Чу Шаочэнем и почему они вместе, и он не смог ответить.

Итак, почему Чу Шаочэнь относился к нему по-другому?

Чи Нин лег на подушку и серьезно задумался.

Старик Ян сказал, что Чу Шаочэнь по-другому относится к нему, и он сам это чувствовал, но в чём причина? Неужели он просто хочет его тела?

Альфа, как Чу Шаочэнь, мог найти любую Омегу.

Даже если Чи Нин хорош собой, среди старших и даже сверстников Чу Шаочэня разве нет более привлекательных?

Из ванной доносился звук, будто кто-то собирается выйти, и Чи Нин, напрягаясь, быстро закрыл глаза, притворяясь спящим.

Но уши его были наготове, прислушиваясь к шагам, которые остановились у кровати.

— На следующей неделе я должен вернуться в строй, так что я буду проводить меньше времени дома, — Чу Шаочэнь вытер волосы полотенцем, натянул одежду и лег, выключив верхний свет, оставив только ночник.

Чи Нин не смог притвориться спящим, поэтому открыл глаза и повернулся к Чу Шаочэню:

— Тогда, если я захочу выйти, мне нужно тебе сказать?

— Куда бы ты ни шел, ты должен сообщить мне, но это не значит, что тебе нужно мое одобрение, просто мне нужно знать, где ты, — ответил Чу Шаочэнь, убирая с лба Чи Нина волосы. — В это время может быть небезопасно, ты должен гарантировать свою безопасность.

Cumulus One был только началом, и Чи Нин часто выходил и входил вместе с ним, даже бывал в Федеративном здании, поэтому те, кто хотел его устранить, обязательно обратят внимание на Чи Нина.

Он не может позволить себе отдалиться от Чи Нина или отправить его в другое место ради его безопасности.

Но он должен обеспечить безопасность Чи Нина, так что...

— Если что-то потребуется, можешь обратиться к Восу. Если он не сможет решить что-то в повседневной жизни, он мне сообщит.

Чи Нин широко открыл глаза, немного подумал и спросил:

— Разве я не могу сказать тебе напрямую? Почему нужно через Восса?

Его прямой вопрос застал Чу Шаочэня врасплох.

Чи Нин же не осознавал, насколько он прямолинеен, и продолжал с серьёзным выражением лица:

— Я буду сообщать тебе о своих передвижениях. Если что-то, что Восс не сможет решить, я буду обсуждать это с тобой. Я не хочу, чтобы он передавал информацию, я...

Его речь прервалась, и Чи Нин наконец осознал, что что-то не так.

Как он мог так уверенно говорить!

Чу Шаочэнь был генералом флота, а не стариком, который каждый день сидит в офисе с чашкой чая. У него нет столько времени, чтобы отвечать на его вопросы.

— Я... — Чи Нин хотел объясниться. — Я не это имел в виду, если ты занят, не беспокойся.

— Что?

— Я не собираюсь постоянно тебя беспокоить.

Раздосадованный, он перевернулся на бок, отвернувшись от Чу Шаочэня, и почувствовал, что снова всё испортил.

Увидев это, Чу Шаочэнь рассмеялся, ощущая, что даже на затылке Чи Нина написано «раздосадован».

— Это моя ошибка, я не подумал об этом.

Он провел рукой по волосам Чи Нина:

— Не стоит передавать через Восса, ты можешь обсуждать со мной всё, что угодно.

Поверхность его желёз была чувствительной и хрупкой, и, когда его коснулись, Чи Нин невольно втянул шею.

Его пальцы сжались, а, услышав голос позади, уши начали нагреваться от волнения, и он старался выглядеть спокойно.

— Тебе это не будет мешать?

— Нет.

Чи Нин почувствовал, как его голос дрожит, и в тот момент, когда пальцы Чу Шаочэня коснулись его желёз, всё его тело напряглось, и он тихо застонал, вдруг широко открыв глаза.

Странно, железы начали вести себя странно, и реакция тела была незнакомой.

Моргнув, как будто пытаясь скрыть своё волнение, он тихо сказал:

— Генерал, тебе не хочется спать?

Если это продолжится, он не сможет дышать.

Чу Шаочэнь уставился на нежную кожу горящими глазами и потер края кончиками пальцев:

— Тебе неприятно?

— Нет, ничего такого, — ответил Чи Нин, его голос дрожал, и каждое слово давалось тяжело.

— Просто немного устал.

— Тогда спи.

Чу Шаочэнь быстро разрешил Чи Нину уснуть, но его рука не оставила его, и, наоборот, стала ещё более нежной.

Он обнял Чи Нина, его губы почти коснулись его желез.

— Чи Нин.

Прижимаясь к груди Чу Шаочэня, Чи Нин чётко чувствовал сердцебиение, которое ему не принадлежало. Он чувствовал головокружение, окутанный запахом голубого ледяного кипариса, и не мог вырваться из этого состояния.

С теплом и успокаивающим феромоном, это было как мягкие облака, манящие его погрузиться в них, теряя все силы.

— Генерал. — Чи Нин почти всхлипывал: — Я хочу спать.

— Хм, спи.

Чу Шаочэнь ответил быстро.

Чи Нин чувствовал, как его железам касаются нежно, кожа на шее дрожит, и он невольно зажмурился, испытывая смешанные ощущения — приятно и мучительно.

Он схватился за одеяло и поднял глаза на Чу Шаочэня, его глаза были полны слёз, а мышцы ног и живота невольно напряглись.

Ох, он стал таким странным.

Чу Шаочэнь чётко ощущал изменения в эмоциях Чи Нина, и когда тот почти расплакался, наконец, проявил милосердие и убрал руку.

Он всё ещё слишком молод, и его феромоны только немного высвобождаются, а Чи Нин уже не

выдерживает. В этот период восприимчивости он не сможет принять это.

Когда Чу Шаочэнь готовился спокойно уснуть, вдруг возник более насыщенный сладкий феромон, окутывающий его, смешиваясь с запахом голубого ледяного кипариса, быстро заполнив всю комнату.

Чи Нин полузакрыв глаза, уголки его глаз были влажными, а вся кожа стала бледно-розовой.

— Я... кажется, я чувствую свои феромоны? — растерянно произнёс он, смотря на колеблющиеся занавески.

Феромоны, его собственные феромоны.

Чи Нин резко обернулся с возбужденным выражением лица:

— Могу ли я контролировать его высвобождение? Подожди, я попробую снова...

Его пальцы были схвачены, и он оказался полностью в объятиях Чу Шаочэня.

С широко открытыми глазами и напряжённым телом он смотрел на сдержанного Чу Шаочэня.

— Я...

Феромоны, когда Омега высвобождает его в сторону Альфы, это является знаком ухаживания.

Разум Чи Нина опустел, и он забыл о своей радости, остались только глубокие глаза Чу Шаочэня.

Не дождавшись, пока Чи Нин снова что-то скажет, Чу Шаочэнь приподнялся и, легко удерживая его в своих объятиях, смотрел на его лицо сверху вниз.

Чу Шаочэнь был на грани потери контроля от сладкого аромата, его голос звучал хрипло:

— Что ты хочешь сделать, выпуская такой сладкий феромон?

При этом его дыхание касалось шеи Чи Нина.

Колени Чу Шаочэня просто раздвинули его ноги, без малейшей возможности вырваться.

Взгляд, полный желания, заставил Чи Нина застыть.

— Я...

— Похоже, ты всё ещё не можешь контролировать это.

Чи Нин, лежа на спине, не знал, куда деть руки и ноги. Случайно коснувшись Чу Шаочэня, он весь задрожал.

Дыхание было горячим, руки были горячими, и всё тело тоже горело.

— Генерал...

— Чи Нин, я твой Альфа.

Зрачки Чи Нина сузились, он невольно напрягся, крепко схватив простыню рядом с собой, и почти не мог дышать.

Что же ему делать сейчас?

Как ответить Чу Шаочэню?

Глядя в глаза Чу Шаочэня, видя в них ожидание, Чи Нин неосознанно сглотнул, и, похоже, что-то понял.

Собравшись с духом, он прямолинейно ответил:

— Да, ты мой Альфа.

Чу Шаочэнь тоже стал горячим, наклонившись ближе к Чи Нину, его нос почти касался носа Чи Нина:

— Прежде чем я что-то сделаю, мне нужно подтвердить одну вещь.

— Что... что? — запинаясь, спросил Чи Нин.

— Ты мне нравишься, поэтому я женился на тебе — это не для прикрытия. Хочу заботиться о тебе и приспособливаться, не принуждать тебя, мне нравится все, что ты делаешь. Пока тебе это нужно, я буду с тобой.

Глаза Чу Шаочэня были глубокими, но в них пряталась такая нежность, которую Чи Нин не мог понять, как будто они прошли сквозь время и пространство, чтобы пережить этот момент.

— Даже если у тебя нет феромонов, это не повлияет на мою симпатию к тебе.

— Чу Шаочэнь...

Чи Нин тихо произнёс его имя, это было впервые, когда он назвал его так.

Имя вырвалось само по себе, подсознательная реакция.

Когда Чи Нин осознал, что его талия уже удерживается одной рукой, и пальцы проходят по его ночной рубашке, касаясь чувствительной кожи внизу, его тело слегка дрогнуло, и он уставился на Чу Шаочэня.

— Итак, я хочу тебе объяснить, независимо от того, есть у тебя феромоны или нет, я буду с тобой, — Чу Шаочэнь взял руку Чи Нина и положил её на своё сердце. — Моя симпатия к тебе не зависит от феромонов.

В один момент железы на затылке Чи Нина, мёртвыми уже много лет, вдруг стали полными жизни, и он даже смог ощутить их пульсацию.

Феромоны стремительно вытекали наружу, смешиваясь с холодным и слегка горьким запахом голубого ледяного кипариса, сладость не была приторной, наоборот, она была свежей и невинной.

Чи Нин, сбитый с толку, не мог ответить на последовательные признания Чу Шаочэня, его голова кружилась, и он даже забыл, что нужно ответить.

Но железы были горячими, как и его сердце.

Он не знал, как ещё ответить, его тело уже дало самый честный ответ.

Щёки пылали, он сжал губы, дышал тихо, боясь вызвать ещё большую волну, смешение феромонов заставляло слёзы наворачиваться на глаза.

Тело стало мягким, кожа жаждала облегчения.

— Я... Мне жарко, — Чи Нин почти плакал, глядя на Чу Шаочэня, запинаясь, произнёс: — Какой у меня запах? Кажется, я не чувствую его.

Чу Шаочэнь улыбнулся, наклонил голову и поцеловал его в мочку уха, тихо сказал:

— Это клубника, очень сладкая.

— Неужели так сладко?

— Да.

Чи Нин почувствовал смущение и отвёл взгляд, но Чу Шаочэнь поцеловал его в кончик уха, и он тихо пробормотал:

— Не представлял, что может быть так сладко, я думал, что это будет легкий и непринужденный запах.

Он прижал руки к плечу Чу Шаочэня, кончики пальцев сжались, он поджал губы и смотрел на него, глаза были красными.

Чу Шаочэнь тихо засмеялся, обнял его, шепча ему одно признание за другим. Эти слова, как лианы, быстро завивались в водоворот, крепко удерживая его.

Его мозг, который просто отказывался работать, наконец начал реагировать, улавливая странный запах феромонов, и Чи Нин быстро положил руку на плечо Чу Шаочэня, стараясь не задеть его рану.

— Ты... ты вошёл в период восприимчивости раньше времени?

Это была бурная реакция Чу Шаочэня на его период восприимчивости.

Почти на полмесяца раньше.

Феромоны Чу Шаочэня тоже изменились, переплетаясь с феромонами Чи Нина.

— Теперь ты это понял?

Чи Нин: ...

Чи Нин немного запаниковал, но заставил себя успокоиться.

Ничего страшного, он всё равно хотел помочь Чу Шаочэню пройти этот период, просто это произошло немного раньше.

Что делать на первом шаге? Выпустить феромоны, и он это сделал.

А что со вторым шагом?

Ладно, сразу переходим к третьему шагу. Третий шаг — это...

Он не мог вспомнить, четвертый шаг...

Чи Нин не мог ни о чем думать и лишь смотрел на неуравновешенного Чу Шаочэня:

— Я... я не имею опыта, что делать?

Чу Шаочэнь прижал лоб к нему и слегка потерся носом:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда.

— Я... я не боюсь, — запинаясь, ответил Чи Нин. — Я просто... просто не знаком с этим. Если бы у меня был опыт, я бы точно всё сделал правильно.

— Правда? Так давай вместе учиться.

— А?

Чи Нин чувствовал, что вот-вот станет рыбой на разделочной доске, отданной на милость других.

Испытывая неловкость, он хотел пошевелить ногой, но он случайно коснулся того места, которое было в возбуждённом состоянии, и всё его тело застыло, пальцы мгновенно сжались на плече Чу Шаочэня.

Увидев, как нахмурились брови Чу Шаочэня, Чи Нин отскочил и объяснил:

— Я не нарочно, тебе больно?

Чу Шаочэнь смотрел в глаза Чи Нина, и все подавленные желания, которые сдерживались с момента выхода из ванной, наконец вырвались на свободу, он не мог больше сдерживаться.

Не дав Чи Нину возможности что-то сказать, он наклонился и поцеловал его губы, о которых думал постоянно.

В момент, когда их губы соприкоснулись, Чу Шаочэнь ощутил ту самую сладость феромонов, о которой он думал раньше. Губы соприкасались, и он легко раздвинул слегка приоткрытый рот Чи Нина.

С нетерпением исследуя дыхание Чи Нина, словно желая вытянуть из его легких весь кислород, он не оставлял ни малейшей возможности для дыхания.

Рука слегка прижала запястье Чи Нина, заставляя его приподняться и ответить на поцелуй. Удивление в его глазах постепенно исчезло, и они наполнились влагой.

Как же это красиво.

С первого взгляда он влюбился в эти глаза, которые всегда были полны наивной чистоты.

— Ха!

Чи Нин тихо простонал, чувствуя головокружение, совершенно не понимая, как все так внезапно обернулось.

Глядя на нахмуренные брови Чу Шаочэня, он постепенно расслабился, его пальцы легли на плечо Чу Шаочэня, и он закрыл глаза.

Агрессия уступила место нежной страсти: верхняя губа была осторожно поцелована, а нижняя — нежно прикушена.

Поцелуи сыпались снова и снова, пробивая дорогу в сердце Чи Нина.

***

Автору есть что сказать:

— Я твой Альфа.

Ах... эта фраза, сказанная генералом, больше привлекла его, чем «Ты мой Омега».

<http://bllate.org/book/13925/1226927>